

АНДРЕЙ РУБАНОВ

ВАСИЛИЙ АВЧЕНКО

ШТОРМОВОЕ предупреждение

Роман
больших расстояний

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

В семь часов вечера выезжаю из Большого Камня. В мае у нас беспроглядные туманы; фары не помогают. А сегодня ещё мелкий дождь. Плюс восемь. И с моря задувает неслабо, баллов, наверное, на пять.

Скоро начнёт темнеть; жму на педаль, борзо обгоняю грузовик — а чего он тошнит?

Может, успею до темноты обогнуть залив и дотянуть до Артёма. Там и дорога получше, и фонари есть.

А от Артёма до города машина сама доедет, как та старая лошадь.

У меня шесть фар: две родные, две противотуманные и ещё две дополнительные; сам ставил.

Шесть фар — вроде понты, но в туман могут и жизнь сберечь.

Или повернуть её, жизнь, в другую сторону.

Так у меня и получилось.

У выезда из Камня на находкинскую трассу — пост автоинспекции, защищённый двумя бетонированными пулемётными гнёздами. Пост давно закрыт-заключен — но выглядит всё равно сурово.

Пулемётных гнёзд и прочих разнообразных укреплений в нашем краю достаточно.

Чего-чего, а этого — на каждом шагу.

А сбоку от поста — автобусная остановка.

Увидел: маячит одинокая фигура. Девушка.

Одета нарядно и слишком легко для нашего Приморского мая.

В свете моих фар вспыхивает золотым отражающая краска на её нарядных кроссовках.

Я едва различаю силуэт в неверной серо-белой дымке, но уже вижу — замёрзла донельзя.

И ещё понимаю: человек не местный.

В начале мая в Большом Камне никто в таких невесомых плащиках не ходит. Куртка нужна, с обязательным капюшоном. И ещё хорошо бы свитерок поддеть.

А ещё лучше — вообще не передвигаться пешком, а ехать на машине, с печкой, с подогревом сидений, с музыкой, и чтоб под капотом сто сорок лошадей буянили, а то и двести сорок, с турбиной.

— Девушка, вам куда?

Красивая очень. Большие глаза. Лицо бледное. Улыбка осторожная. Боится.

Но меня бояться не надо, особенно девушкам, я человек добрый, спокойный и хорошо воспитанный.

Положительный.

— Мне на остров Путятина.

— До Путятина, — говорю я, — дороги нет. Дорога есть до Дуная, а там паром.

— Мне как раз и нужно на паром. Последний.

— Садитесь, — говорю. — Попробуем успеть.

И расслаблен при этом, уверен, улыбаюсь, потому что бензина у меня почти полный бак: днём в городе заправился.

А с полным баком — жизнь прекрасна, можно и до Дуная смотреть, и обратно.

Незнакомка в плащике колеблется.

Вокруг — ни одной живой души, пустая мокрая дорога, дождь сеет, жалкий фонарь сам себя освещает, сопки едва видны в тумане, нависают многозначительно — всё как в классическом фильме ужасов: юная дева и подозрительный небритый малый на потёртой «тойоте» с правым рулём.

Случай типичный и мне очень понятный: девчонка так замёрзла, что готова прыгнуть в тачку к любому маньяку, лишь бы отогреться.

Плащ мокрый, волосы — длинные, чудные, каштановые — мокрые.

Тут же спешит пристегнуться, ремень поперёк груди тянет.

— Вы не местная, — говорю я.

— Угадали, — отвечает она. — Вообще не местная. Из Петербурга.

— Ничего себе, — говорю я. — Далековато забрались.

— Была причина, — коротко отвечает она.

А я прибавляю ход.

Девчонки бывают двух типов: одни боятся быстро ездить, а других лучше катать на большой скорости, им это нравится; однако в тумане на мокрой дороге особо не разгонишься.

Ситуация, ещё раз говорю, страшно типичная.

Девушка садится к тебе в машину, с холода, и когда закрывает дверь, когда тепло окутывает её, когда она проникается уютом твоего салона, как будто в гости попала, а внутри у тебя — чисто, коврики вымыты, сиденья пылесосом отдраены, панельки протёрты до зеркального блеска и, главное, пахнет хорошо, потому что ты не куришь, а самое наиглавнейшее — музыка, конечно; тогда незнакомка испытывает настоящий приход, вроде наркотического, только лучше и бесплатно.

Это как танец: не опасная, но явная близость.

Я ставлю ей Панфа, «Молодость».

Драйвовая штука, бодрит очень, особенно в тумане, если погромче сделать.

Но пассажирка просит убавить звук.

— Это кто?

— Иван Панфилов, — отвечаю. — Главный наш рокер. Владивостокский.

— Я только Лагутенко знаю.

— Лагутенко весь мир знает. Но Панф не хуже.

И я опять добавляю громкость.

Тут есть правило: прибавил громкость — прибавил скорость. Это работает. Нравится всем. И девчонкам, и мне самому.

Но сейчас прибавлять нельзя: туман сгущается.

Редкие встречные все светят дальним светом.

Мне хорошо.

Молодость — это круто. Незнакомая девушка рядом — это круто. «Тойота-целика» — это круто. Полный бак — это круто. Панф — это круто. У него и про «целику» упомянуто.

Проехали мимо Крыма — она увидела указатель, засмеялась.

— У вас тут и Крым есть!

— Есть, — ответил я. — И свой Крым есть, и свой Дунай, и Новороссия. И даже Новая Москва. У нас всё своё.

— Только, — говорит она, — в вашем Крыму холодно.

Я отвечаю известной шуткой:

— Широта крымская — долгота колымская!

Но она только вежливо улыбается, и я понимаю — рядом со мной совершенно сухопутный человек, широту от долготы не отличает.

И я показал ей влево.

— Если бы не туман, вы бы увидели «Адмирала Лазарева». Атомный ракетный крейсер. Давно на приколе стоит. Никто не знает, что с ним делать. То ли чинить, то ли в Китай на иголки продать...

— Почему на иголки? — опять не поняла, в глазах интерес.

— Это такая поговорка, — говорю я, — морская. «На иголки» или «на гвозди» — в смысле на металлолом. Китайцы наш металлолом покупают с удовольствием. У нас люди на этом деле миллионы поднимают. Только, прежде чем переплавлять корабль, его надо поджечь, чтоб всё дерево выгорело, пластик там и прочее... Зрелище страшное.

— У вас тут, — говорит она, — вообще страшно-вато.

— Нет, — говорю, — зря вы так. Это с непривычки. У нас красиво, очень. Особенно летом. Я вам больше скажу, это место — самое красивое на земле. Лучшее! Сопки! Тайга! Заливы! Бухты! Мосты! Вы наши мосты видели?

Не видела.

Оказалось, только два дня как прилетела и не только ничего не видела, но и вообще плохо соображает; между Владивостоком и Петербургом семь часовых поясов. Днём хочет спать, ночью наоборот; джетлаг.

— Это ничего, — говорю я, — пройдёт. Это с непривычки. У моего друга мать — адвокат, она по два раза в неделю в Москву летает и обратно.

Сказал — и испугался. Сейчас спросит — «а вы в Москве были?»

И придётся ответить: ни разу на самолёте не летал, ни в Москву, никуда, нигде не был, кроме Суньки. Да и не тянет.

Мне и тут отлично.

Ругаю себя мысленно. Давно ведь взял за правило: просто так воздух не сотрясать. Говорить только о том, в чём понимаю. Если в авиаперелётах — два по пять, в смысле не понимаю ничего, — зачем рот раскрыл?

Закрой, сойдёшь за умного.

На въезде в Дунай стоит, как положено, указатель с названием населённого пункта. Букву «н» какой-то шутник переправил на «б», и получилось: «Дубай».

До пирса добрались вовремя, даже с запасом.

Хотя это было скорее воспоминание о пирсе — бесформенные ржавые железки. А рядом, в воде, догнивал корпус какого-то допотопного судёнышка.

Паром с немудрящим названием «Путятин» уже грел машину, распространяя любимый мною запах дизельного выхлопа, — он смешивался с запахом большой воды и гниющих водорослей; так пахнет моряцкая свобода.

Группа пожилых граждан в камуфляже и ветровках, с сумками и канистрами (на острове заправок, естественно, нет, а кое-какой транспорт есть), ожидала начала посадки. У пожилой женщины на руках ребёнок, у молодой — собачка на поводке.

На маленьком — 20 километров в длину — острове всего один посёлок, и обитает там примерно тысяча человек; точного числа никто не знает, да это и не нужно: тут край земли, дальше — только 700 миль воды до Хоккайдо.

Когда-то певец-бард и актёр Визбор — который «милая моя, солнышко лесное» — даже песню сочинил:

*Снова плывут на закате
Мимо него корабли,
Маленький остров Путятин
Возле великой земли...*

Моя пассажирка пригrelась, расслабилась и явно не очень хотела вылезать из машины. Вдобавок и обстановка на пирсе не внушала радости — грунтовый пятачок, старые рваные покрышки на обочине, ларёк с сигаретами и пепси-колой, будка-«вокзальчик», где продают билеты.

Билет с материка на остров — десять рублей. Обрато — бесплатно. С машины — семьсот. Но это — сейчас. А в сезон, когда пойдёт турист, с человека будут брать сто пятьдесят, а с машины две с половиной тысячи, и ещё надо звонить и в очередь записываться, потому что паром один, а желающих погонять по острову на четырёх колёсах будет множество.

Пока не сезон.

Дождь. И ветер усилился. Гонит капли по лобовому стеклу.

Пассажиры-островитяне все в толстых куртках, в шапках.

Незнакомка собралась с духом:

— Сколько я вам должна?

— Девушка, — сказал я, — по нашим ценам вы мне

должны пятьсот рублей. Но это потом. Сначала скажите: вас на Путятине кто-нибудь встречает?

— Нет, — ответила она, — пешком дойду. Там недалеко.

— Пешком, — сказал я, — будет темно и холодно. Давайте я вас до места провожу. Раз уж впрягся. А машину тут оставляю. На паром можно и на машине захватить, только это будет дорого. Семьсот с тонны веса.

— Да, — говорит она, — дорого.

— Привыкайте, — говорю я. — Вы в Приморье. Тут у нас всё дорого. Кроме жизни. Предлагаю вариант: машину оставляем, садимся на паром пешеходами, потом я вас до дома провожу, потом обратно вернусь.

И она быстро согласилась — так быстро, что я загордился даже. Подумал, что я ей понравился.

Или машина моя понравилась, с шестью фарами.

Или музыка. Или всё вместе.

С девчонками у меня получается не очень.

Девчонкам нужны так называемые «отношения».

Слово это ужасное, рифмуется с ещё более неприличным словом «сношения» и имеет отчётливый фрейдистско-гинекологический привкус.

«Отношения» — это значит: презваниваться по пять раз в день и встречаться трижды в неделю.

А у меня такой возможности нет, я работаю с утра до ночи, с единственным выходным днём; не высыпаюсь, устаю, денег всегда в обрез; каждый день нервные ситуации, бывают и скандалы, и разборки даже. Сил едва хватает, чтоб вечером добраться до койки и душ принять, грязь из-под ногтей вычистить.

Колёсами заниматься — дело хлопотное, муторное. Где деньги — там всегда хлопоты, грязь и нервы.

Я не давлю на жалость, нет. Приморцы не жалуются. Мы — счастливые, везунчики, избранные, мы живём в лучшем месте Земли; второго такого города, как Владивосток, нет, поверьте.

— Меня Варя зовут, — говорит она. — Варвара.

— Виктор.

Она протягивает узкую горячую ладошку.

Она сильно моложе меня, и ладонь её гораздо слабее моей сбитой коричневой клешни.

И пожатие её мягкое, мгновенное, стеснительное.

И вся она, Варя из Петербурга, кажется мне чрезмерно слабой, чужой, посторонней. Нежной, наивной, не приспособленной ни к острову Путятин, ни к Приморью. Пришелицей с отдалённого Запада, из неведомой столицы, где я никогда не был и вряд ли побываю в ближайшие годы.

Что такое Петербург?

Этот город находится на другом конце глобуса.

Моей фантазии едва хватает, чтоб вообразить такие масштабы и такие концы.

Но я только солидно киваю: конечно, известное дело, в школе проходил, и в универе ещё раз прошёл, Пётр Первый, окно в Европу, революция, Владимир Ильич Ленин и так далее.

И вдруг — пока киваю, с вежливой улыбкой — до меня доходит, совершенно отчётливо, или, как говорит мой надёжный партнёр Серёга Мариман, доходит *конкретно*: если я сейчас повезу её на Путятин, то обратно вернусь только завтра.

Потому что этот паром на сегодня — крайний, а следующий будет в восемь утра.

Более того, если я перетопчусь ночь на острове и с утра выберусь обратно в Дунай, то по пути назад, в город, попаду в утренние пробки, наши всеми любимые и широко известные владивостокские пробки; дома буду в лучшем случае в полдень.

Хорошо, что завтра — понедельник, мой выходной.

Но это не всё: ещё через пять секунд до меня доходит, ещё более отчётливо и конкретно, что я совершенно не беспокоюсь по поводу обратной дороги и утренних пробок и что спалю бак бензина — тоже не беспокоюсь.

А беспокоюсь только насчёт девушки Вари из Петербурга.

Закрыл машину, куртку натянул. Взял обычный комплект: нож, фонарь, три зажигалки, бутылку воды и сухие носки — на случай, если ноги промочу.

Купили билеты, сели на посудину, пошли.

По спокойной воде паром до Путятина идёт минут двадцать, но сегодня качает, и хотя залив Стрелок от ветра защищён (недаром здесь вояки стоят), — на воде крупная зыбь.

Чуть усилился ветер — и паром бы не пустили, он плоскодонный, плавает примерно как утюг. Однако местные им гордятся. Называется «самоходный плашкоут», построен по образцу танкодесантной баржи, такой посудине и пирс не нужен, — заезжает носом на любой пологий берег.

Сейчас вместо танков с нами на Путятин плыли мирные «грация-вагон» и Honda-CRV.

Пока шли — Варю укачало и, как я понял, даже стошнило; дважды бегала в галюн. Я деликатно помалкивал. У сухопутных людей всегда так.

В проливе, за мысом, мелькнул свинцовый борт — военный катер, едва видимый в сгушающейся темноте; прошёл на огромной скорости и канул.

Здесь были тайные, заповедные места, а до недавнего времени и вовсе засекреченные, режимные, военно-морские. По тайге не погуляешь, тут колючая проволока, там блок-пост, попрёшь буром — могут и застрелить.

Всё серьёзно в этой бухте, и если бы не сумерки, на дальнем берегу можно было бы увидеть стоящие в ряд огромные цилиндры, выкрашенные в ярко-красный цвет, каждый — размером с трёхэтажный дом: реакторные отсеки атомных подводных лодок; списанная в утиль, законсервированная, но до сих пор опасная бешеная ядерная сила.

По железной аппарели сошли на берег. Асфальта